

РАЗГОВОР наш начался неожиданно — со спектакля, к Театру имени Ленинского комсомола отношения не имеющего. Но я спросила Геннадия Михайловича, что для него определяющее в специфике молодежного театра, и он стал говорить об «Инциденте» — «для затравки», как сам объяснил это первое свое отступление:

— Мне кажется, если б «Инцидент» ставился на сцене молодежного театра (договоримся сразу: не конкретно нашего или какого-либо другого, нет, на сцене такого театра, каким мне представляется театр для молодых)... Так вот, если бы «Инцидент» ставили в таком театре, то главным, видимо, был бы не сюжет, сам по себе увлекательный, и не призыв «не проходите мимо», а выяснение одного момента: что взвинчивает этих двух парней, почему их сила ищет выхода и находит его в столь чудовищных проявлениях?

Сегодняшний день и возможные проявления человеческой природы, особенно природы молодого человека, — вот что меня интересовало бы в первую очередь. Ну а если говорить по большому счету, то я считаю: природа молодежного театра такова, что он должен быть политическим и остросоциальным театром. Он должен вызывать к желанию молодых принимать участие в жизни политической, гражданской. Таковы, на мой взгляд, некоторые спектакли Московского театра Ленинского комсомола и Театра на Таганке. Я смотрел как-то перед началом спектакля в фойе Дворца культуры имени Первой пятилетки на зрителей, пришедших на «Павших и живых». Честное слово, это были не просто зрители, это были люди, принимающие участие в какой-то политической акции, их гражданские чувства были разбужены до основания.

Просветительство, по-моему, не единственный и не главный путь, по которому должны идти молодежные театры.

Мне кажется, что в наши дни наибольший отклик вызывает искусство открыто публицистическое. Именно оно способно разбудить максимальную активность зрителя. Основа такого театра — актер, активно заряженный гражданской позицией по отношению к сегодняшнему дню. Эту позицию он и должен нести зрителю.

Однако актер, подчинивший себя требованиям театра, может не сразу найти свое личное признание. Но его миссия высока и в конечном итоге встретит понимание.

Я уверен: все проблемы молодежного театра — формирование репертуара, отношение со зрителем — надо рассматривать через призму такого его назначения. Какая пьеса может ставиться в молодежном театре? Ответ на этот вопрос дает назначение театра — коммунистическое воспитание молодежи. Но нужен поиск, соответствующий этому назначению. По-моему, интересный театр создает сейчас Марк Захаров — новый главный режиссер Московского театра имени Ленинского комсомола. Он прав в главном: сначала надо задать тенденцию, потом усложнять путь. И еще очень важно договориться со зрителем об «условиях игры». Тогда, наверное, и возникает у театра свой зритель.

— Вы говорите, что все проблемы и все заслуги молодежного театра надо рассматривать в свете тех задач, которые вы сейчас сформулировали для театров такого рода. Посмотрим, как это происходит конкретно. Возьмем последний спектакль — «Четыре на-

ли», поставленный вами по пьесе Виктора Сергеевича Розова. Что вы хотели здесь обнажить, к каким чувствам зрителей апеллировали? Возможно, что спектакль по этой пьесе требовал более страстной публицистичности или более образного языка для того, чтобы не стать схемой, тем более, что пьеса тяготеет к назидательности. Или все обстоит совсем не так?

— Да, новая пьеса Розова назидательна. И в этом была опасность для спектакля. Однако это и достоинство ее драматургии. Поскольку пьеса состоит из отдельных миниатюр-новелл, имеющих точное жанровое определение — от шутки до трагикомедии, она не предусматривает присущей другим пьесам этого автора психологической разработки характеров. В тех новеллах, которые, на мой взгляд, получились — третьей и четвер-

ОДИН НА ОДИН СО ЗРИТЕЛЕМ

Воскресный гость «Смелых» — главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола Геннадий Михайлович ОПОРКОВ

той, нам удалось вызвать эмоцию, которая выше факта, больше факта, а не просто гнев по отношению к одним и сочувствие — к другим.

— С этим можно согласиться, но тон спектаклю задает первая новелла — о девочке, пришедшей к директору фабрики просить, чтобы он не был груб с ее отцом. В сочетании с длинными повествовательными авторскими монологами она не вызывает тех эмоций, о которых вы говорите.

— Меня как постановщика эта новелла устраивает меньше всего. Что касается авторских монологов — они должны были цементировать действие, выстроить его как единый спектакль, в них содержаться и идейный прицел действия. По замыслу лирико-повествовательная нота монологов должна быть контрастна тому, что происходит на сцене. Но, видимо, это получилось бы, будь «капли» острее, фарсовость — очевиднее. Тогда содержание и настрой монологов были бы убедительнее, а их звучание — уместнее.

— Зрителю в вашем театре всегда нравилось сценическое воплощение режиссерской мысли. Сознано, на этот раз трудно понять связь вашего замысла и образа, предложенного художником.

— Здесь нет никакого символа. Оформление сугубо реалистическое, очень бытовое. На сцене — стройплощадка, огражденная забором. Хотелось, чтоб у зрителя появилось желание заглянуть туда — что там происходит? И там-то и увидеть все те истории, что мы показываем. Стройка — это условно, конечно. Стройка — это наша жизнь, с ее победами и трудностями. А заглядываем туда мы не из любопытства, а в силу причастности к этой стройке, ко всем проблемам нашей жизни.

— При составлении репертуара на сезон, перспективного репертуара, что вы учитываете в первую очередь?

— Думаю, что нужно точно представлять себе, что волнует молодежь сегодня. В первую очередь надо «вытягивать» темы, которые отвечают задачам молодежного театра. Конечно, нужно ставить и героические, и роман-

шев, и Саша Белова, и Алеша Нестеров из «Лошади Пржевальского», и Двойников из «Выбора», и Катя из «Любимых». Об этом же будет и новый наш спектакль — «Жаворонок» по пьесе Жана Ануя.

Кстати, мы возвращаемся к тому, с чего начали, к «Инциденту». То, что происходит там, — это тоже проявление максималистских наклонностей, но принявших кошмарные, уродливые формы. Это взрывчатая сила, не соотносящаяся ни с законами общества, ни с человеческими нормами. Но в жизни встречаются еще такие или подобные инциденты. Так вот, в чем должно выразиться наше отношение? Отвести хулиганов в милицию? Конечно. Но наша задача — выяснить причину, природу зарождения подобного извращенного максимализма, если хотите, проанализировать не только сам поступок, но и его предисторию. И понять, что любая энергия ищет выхода, — надо только открыть клапан, умело направить ее на созидание, а не на разрушение.

С репертуаром сложно, конечно. Берем пьесы, которые идут в других театрах. Но ищем в них тот поворот, о котором мы уже сегодня говорили...

Хотелось бы, чтобы все это учитывали те, кто имеет отношение к нашему театру. Дело не в скидках, когда речь идет об оценке, а в том, чтобы определить задачи, выявить тенденцию, а потом уже говорить: получилось — не получилось... Пусть пока «не получилось», но важно, что работаем мы в свете тех задач, которые в наши дни неизбежно, неотвратимо встанут перед молодежным театром.

— Театр, имеющий свою программу, свою позицию, имеет и своего зрителя. В последнее время это особенно очевидно: ведь зритель Театра имени Ленсовета — это не тот, что в Театре комедии, и не тот, что в БДТ. Конечно, много «всеядных» зрителей, и случайных — не о них сейчас речь. Как обстоит у вас дело со СВОИМ зрителем?

— Тот театр, о позиции и программе которого мы сегодня говорили, только зарождается. Он еще не реализованный, не сделанный — это наш замысел, модель будущего театра. На такой театр и надо ориентировать зрителя. И это дело будущего, но дело неотлагательное.

Ведь если зритель идет в БДТ, МХАТ или Театр на Таганку, он точно знает, что он там увидит. У нас же пока это не столь очевидно. Я понимаю, мы сами непоследовательны в своих поисках, мы сбиваем этим зрителя.

Я убежден: задачи определяют эстетику театра. Для того чтобы принять или не принять ее, надо вникнуть в специфику задачи. Если бы наша «Чайка», к примеру, шла в другом театре, с другими задачами, я бы сам от этого спектакля камня на камне не оставил. А в нашем театре именно такой спектакль закономерен — и это мое глубокое убеждение. Кстати, «Чайку» очень хорошо приняли в Москве. И пока с трудом принимают в Ленинграде. Еще что странно: этим летом на гастролях в Сибирь — в Иркутске, Красноярске — у нас было ощущение своего зрителя. Но еще редко это ощущение возникает в Ленинграде. Что это? В чем здесь дело? В том, что у нас есть отдельные спектакли, но пока нет театра?.. Надеюсь, и уверен: если это так, то пока.

Беседу вел Т. ОТЮГОВА